

Т.Проць

ПОНЯТИЕ “СИМВОЛ” В ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ: ДВА КОНКУРИРУЮЩИХ СПОСОБА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В различных областях и направлениях теоретического анализа символа существует масса толкований этих понятий. Обильность толкований порождает полисемантическую и множество противоречивых суждений о символе, поскольку каждая область знания имеет в виду под символом что-то свое. Не являются здесь исключением области философского и социологического знания.

В философской и социологической трактовках данного понятия, несмотря на точки соприкосновения, все же содержатся принципиальные отличия. В философских работах, посвященных исследованию сущности символа, основное внимание, как правило, уделяется рассмотрению его природы, но в меньшей степени анализируется специфика социального контекста его формирования. Символ рассматривается как нечто объективно существующее, бессубъектно сформированное. В социологических работах, напротив, больше внимания уделяется социальной специфике его формирования.

Итак, постановка проблемы состоит в том, насколько утвердившийся в философии анализ символа и символических систем, который претендует на то, чтобы быть методологическим инструментарием для социологического познания, пригоден для исследования символа массового общества и глобальных коммуникаций. Возникает необходимость сравнить концепцию символа в различных философских и социологических теориях. На наш взгляд,

такое сравнение позволит глубже разобраться в понятии “символ” и разработать рабочее понятие символа для социологических исследований. Несмотря на то, что по вопросам символа написано много работ, попытки такого сравнительного анализа практически не предпринимались.

Рассмотрим и проанализируем различные философские и социологические подходы к изучению понятия “символ”. Символ в философии есть предельное обобщение смысла вещи. Всякое философское понятие является смысловым зародышем символа. Философское понятие потенциально является смысловым обобщением, которое, в свою очередь, может быть разложено на бесконечный ряд значений.

Обращение к понятию символического в философии связано в первую очередь с *онтологическим рассмотрением данного понятия*.

Онтологическое понимание символа связано с концепцией умопостигаемого бытия. Символ – это та вещь, которая делает его возможным. Данная трактовка развивается в философии А.Лосева. Согласно его точке зрения, символ вещи есть ее обобщение, закон, упорядоченность, идейно-образное оформление, ее внутренне-внешняя выразительная структура, знак.

Символ есть еще и принцип бесконечного становления, отражения вещи, отмечает А.Лосев. Он рассматривает символ как “субстанциональное тождество бесконечного ряда вещей, охваченных одной моделью” [1, с. 272]. Лосев определяет символ вещи, исходя из его структуры, как встречу означающего и означаемого: “Символ есть полное взаимопроникновение идейной образности вещи с самой вещью. В символе мы обязательно находим тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности” [2, с. 268].

По мнению Лосева, символ вещи, данный при помощи какого-либо изображения или без него, всегда есть нечто оформленное и упорядоченное. Он содержит в себе всегда какую-то идею, которая оказывается законом всего его

построения. “И построение это, будучи воплощением закона, всегда есть определенная упорядоченность, т.е. определенным образом упорядоченный образ” [2, с. 259]. Следовательно, символ вещи есть ее закон, в результате которого осуществляется упорядоченность вещи, ее идейно-образное оформление.

Основоположником интерпретации символа в *культурологическом аспекте* является Э. Кассирер, автор труда “Философия символических форм”. Суть концепции Кассирера заключается в том, что символ есть результат человеческого конструирования реальности. Благодаря человеку возникает другая реальность, в которой восприятие вещей мира происходит опосредованно. Символическое конструирование реальности выступает способом самовыражения человека.

Сам символ понимается Кассирером как единственная и абсолютная реальность, “системный центр духовного мира”, узловое понятие, в котором синтезируются различные аспекты культуры и жизнедеятельности людей. “В символе единство культуры достигается не в ее структуре и содержаниях, но в принципе ее конструирования: каждая из символических форм представляет определенный способ восприятия, посредством которого конституируется своя особая сторона «действительного»” [3, с.44].

Другой особенностью кассиреровского символизма является творческое осуществление и воссоздание эстетических явлений полноты бытия. В “символической функции” открывается способность человеческого сознания существовать посредством синтеза противоположностей внутреннего и внешнего. Дух, или человеческое сознание, может явить свое внутреннее содержание только через внешнюю материальную реальность.

В особую статью выделяется *философско-герменевтический аспект* толкования символа, представленный Г.-Г.Гадамером и П.Рикёром. Гадамер предваряет изложение своего концепта символа обращением к древности.

В Древней Греции символом назывался черепок, служивший знаком дружеских отношений. Расставаясь с гостем, хозяин разламывал черепок надвое и одну половинку отдавал. Таким образом, складывая две половинки посуды, могли узнать друг друга люди, связанные дружескими отношениями в прошлом, или их потомки. Актуален в этом смысле, с точки зрения Г.-Г. Гадамера, и платоновский миф об андрогинах, он указывает на аналогию встречи родственных душ и восприятия прекрасного в искусстве.

Легенда гласит, что в наказание за посягательство на власть богов люди были разделены надвое. “С тех пор, – заключает Г.-Г. Гадамер, – человек, лишенный целостности жизни и бытия, ищет свою половину” [4, с. 298]. Гадамер называет это символом человека. “Символ же, познание символического смысла предполагает, что единичное, особенное предстает как осколок бытия, способный соединиться с соответствующим ему осколком в гармоничное целое, или же, что это – давно ожидаемая частица, дополняющая до целого наш фрагмент жизни” [4, с. 299]. То есть обретение первоначальной целостности возможно через посредство символа.

Символ – связь между осколками бытия, которые жаждут воссоединения в гармоническое целое. По Г.-Г. Гадамеру, символ указывает на значение, актуализирует его и репрезентирует. Суть функции символа – репрезентировать смысл в произведении искусства, где человеку открывается “послание блага и гармонии” [4, с. 299]. Через символ осуществляется целостность познаваемого мира. В произведении всегда присутствует идея, недоступная непосредственному созерцанию, но реализуемая посредством символа.

Для П.Рикёра символом является “всякая структура значения, где один смысл, прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят

лишь через первый” [5, с. 57]. Этот круг выражений с двойным смыслом составляет герменевтическое поле, в связи с чем и понятие интерпретации расширяется также, как и понятие символа. Интерпретация, в данном контексте, – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении.

Символические системы, по мнению Рикёра, благодаря своей способности структурироваться в совокупности значений имеют строение, сопоставимое со строением текста. “Например, невозможно понять смысл какого-либо обряда, не определив его место в ритуале как таковом, а место ритуала — в контексте культа и место этого последнего — в совокупности соглашений, верований и институтов, которые создают специфический облик той или иной культуры” [5, с. 53]. С этой точки зрения, наиболее обширные и всеохватывающие системы образуют контекст описания для символов, относящихся к определенному ряду, а за его пределами — для действий, опосредуемых символически. Таким образом, можно интерпретировать какой-либо жест, например поднятую руку, то как голосование, то как молитву, то как желание остановить такси и т. п. Эта “пригодность-для” (*valoir-pour*) позволяет говорить о том, что человеческая деятельность, будучи символически опосредованной, прежде чем стать доступной внешней интерпретации, складывается из внутренних интерпретаций самого действия; в этом смысле сама интерпретация конституирует действие.

По мнению Рикёра, многоуровневая структура символа последовательно увеличивает дистанцию между означающим и означаемым, задавая тем самым основные функции символа: экспрессивную, репрезентативную и смысловую, посредством которых реализуется его роль в культуре.

Что же касается *семиотического аспекта* толкования символа, Ю.Лотман в работе “Символ в культуре” обозначает возможность двух подходов – рационального и иррационального. Оба эти подхода являются по сути своей семиотическими. В одном случае символ выступает как знак, в другом – как накопитель памяти культуры. Специфика такого подхода заключена в том, что символ накапливает значения, в которых когда-либо выступал, – пронзая культуру по вертикали. Из одной исторической эпохи символ с присущим ему набором значений переходит в другую, где приобретает новые смысловые сопоставления и значения, не утратив прежних. Символ выступает как механизм памяти культуры: “как послание других культурных эпох (других культур), как напоминание о древних (вечных) основах культуры” [6, с. 67]. В структуре символа, по Лотману, присутствует момент соединения разных знаковых систем семиосферы, охватывающей различные коды, языки, культурные миры, направления и виды человеческой деятельности.

По мнению Лотмана, символ представляет собой нечто выделенное из окружающего рядоположенного семиотического контекста – “символ, представляя законченный текст, может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность” [6, с. 148]. Здесь подчеркнут момент архаичности и устойчивости, позволяющий символу выступать свернутым генератором культурной памяти. У Ю.Лотмана символ – не только мост от одного уровня бытия к другому, но некая точка соприкосновения между миром действительным и виртуальным, реальным и надреальным, земным и высшим, кроме того, мост, соединяющий эпохи. Суть семиотического аспекта толкования понятия символа в следующем: у каждого искусства есть свой язык. Символы – знаки языков культуры – образуют семантическую сеть, посредством которой они несут суть вещи, от глубинных ее смыслов до сегодняшних значений.

Итак, в результате анализа различных трактовок понятия “символ” в приведенных выше теориях можно сделать вывод о том, что символ рассматривается как сложный, многозначный и структурный феномен. В философских теориях символ предстает в виде знака, текста, смысла, структуры значений, основной составляющей мифа. Символ рассматривается как самоценность, он исследуется без учета специфики социального контекста его формирования. Он предстает как нечто объективно существующее, бессубъектно сформированное.

В социологическом рассмотрении символа, напротив, большое значение придается социальному контексту его формирования. Он рассматривается как инструмент создания социальной картины мира и влияния институтов власти на массовое сознание.

Э.Дюркгейм, представитель позитивистского направления в социологии, уделял большое внимание разработке вопроса о религии как системе символов, знаков, в которой социологический анализ должен увидеть реальность, служащую ее базисом. Такой реальностью для Дюркгейма было общество, и религия рассматривалась им как совокупность символов, на основе которых осуществляются главные функции религии как общественного интегратора, с одной стороны, и как прародителя и транслятора культуры – с другой.

Первым религиозным символом, ставшим предметом дюркгеймовского анализа, был тотем, которому поклонялись аборигены, принимая его за божественное начало, безличную силу. “Тотем – это символ определенного общества, клана, знамя общественной группы, это знак, который отличает один клан от другого. Являясь одновременно и символом бога («тотемического начала») и символом общества, он становится обозначением («фигурой») этой квазибожественности” [7, с. 67].

По мнению Дюркгейма, тотем – это символ, ярлык, знак, которым человек отмечает свою принадлежность к опреде-

ленному социальному единству. Тотем “является типом священных вещей”, обладающих религиозной значимостью. Символический характер объектов, которым поклоняется клан, объясняется тем, что он как и всякая группа, нуждается в объединяющем центре. “Всякому коллективному чувству присуща потребность воплотиться в лица, формулы или материальные объекты. Эти символы не просто ярлыки. Они содействуют сближению людей. Лишь испуская один и тот же возглас, произнося одно и то же слово, делая один и тот же жест по поводу одного и того же предмета, люди чувствуют свое единство и “реализуют его” [7, с 72]. Единство клана дает о себе знать только в коллективной эмблеме, связывающей всех членов этого клана, поскольку у него нет ни единого вождя, ни единой территории, подчас даже члены одной и той же семьи принадлежат к разным кланам.

Дюркгейм считал, что религия – это система знаков, символическое выражение глубокого социального содержания. Он подчеркивал, что передача социального опыта от одного поколения к другому совершается в форме традиций через посредство предметов материальной культуры – книг, памятников, орудий труда, инструментов, по которым, как по знакам, можно открыть социальное значение, т.е. состояние коллективного сознания данной исторической эпохи. Символизация присуща любому обществу. “Социальная жизнь во всех своих аспектах и во все моменты своей истории возможна только благодаря обширному символизму”. Символы фиксируют соответствующую степень развития знания, умения, опыта, нормативных требований морали и права и др.

Для социологической трактовки символа особое значение имеют концепции Ж.Бодрийяра и П.Бурдьё. Ж.Бодрийяр рассматривает символ не просто как знак, для него символ – это определенный способ понять современное общество, определить его ценностные характеристики. “Символическое – это не понятие, не инстанция, не категория

и не «структура», но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого» [8, с. 241].

Иллюстрацией символического в социальной жизни выступают феномены “дара”, “жертвоприношения”, которые соотносятся с понятием “обратимость”. О наличии символического в обществе, по мнению Бодрийяра, свидетельствует существование “обратных”, а не “эквивалентных” отношений. Субъектно переживаемые обмены, чреватые взрывом и риском для участников, ставящие их в конфликтно-силовые отношения между собой, обозначаются у Бодрийяра термином “символический обмен”. Он связывает символический обмен с процессами противоборства, ставкой в котором и возможным результатом которого является власть: “символическое насилие выводится из особой логики символического [...] – из таких явлений, как обращение, непрерывная обратимость отдаривания и, наоборот, захват власти путем одностороннего одаривания” [8, с. 98]. По мнению Бодрийяра, первобытный символический процесс не знает бескорыстного дара, ему известны лишь дар-вызов и обращение обменов. Когда эта обратимость нарушается, то собственное символическое отношение гибнет и возникает власть; в дальнейшем она лишь разворачивается в экономическом механизме договора.

Здесь видна вся сложность бодрийяровского понятия символического. Оно представляет собой социальную характеристику, особый тип социального действия. Символическое – это особая неустойчивая, конфликтная, еще не-обретшая формы стадия знаковой деятельности, где обращению еще не поставлены препоны типа власти, цензуры, принципы реальности: “В первобытных обществах нет протяженности “вещей”, в них еще не “выпало в осадок” означаемое, а потому у них и нет никакого основания или истинного смысла” [1, с. 180].

По мнению Бодрийяра, когда свободная “циркуляция” знаков закупоривается, то образуются “тромбы”, сгустки власти, возникают феномены накопления и ценности. В этот момент “символическое отношение гибнет”; его механизмы корыстно-односторонне используются властью, социальной инстанцией, своими дарами она блокирует возможность ответного дара, включая высший дар, дарования жизни: “ [...] власть, вопреки бытующим представлениям, – это вовсе не власть предавать смерти, а как раз наоборот – власть оставлять жизнь рабу, который не имеет права ее отдать” [8, с. 101–102].

Следовательно, символическое представляет собой то, что противостоит властвованию капитала. Бодрийяр считает, что символическое существует там, где отсутствует частный эгоистический интерес, где накопление знаний, богатств ничего не стоит, где поступки человека противостоят расчету и выгоде рациональности. “Символическое – там, где имеет значение неоправданная жертва, где смысл поступка не всегда рационально осмыслен” [8, с. 99]. Он видит настоящее воплощение символического в некоторых традициях первобытных обществ. Символическое присутствует там в обрядах жертвоприношения, дара, погребения. Очерченный таким способом смысл символического может существовать только в каком-то утопическом проекте, образуя идеальный горизонт современного общества. Хотя Бодрийяр пытается спрятать утопический компонент своей концепции. Если для современной цивилизации ведущим жизненным принципом является культ накопления, то первобытное общество демонстрирует культ нерациональной траты как воплощение символического начала жизни.

Итак, Бодрийяр рассматривает символическое как то, что не адаптируется властью, противостоит системе, перманентно воплощает вызов. То есть с одной стороны, власть начинается там, где завершается символическое, а с дру-

гой – символическое представляет собой угрозу власти, потому что наделено смертоносной эффективностью.

П. Бурдье исследует символ через понятия “символический капитал”, “символическое насилие”, а также “символическая власть”. Выделяя основные виды легитимной социальной власти, Бурдье выделяет экономический, социальный, культурный и символический капитал как ее основание. Символический капитал может быть санкционирован, гарантирован и утвержден юридически в результате официальной номинации. “Официальная номинация, т.е. акт, по которому кому-либо присуждается определенное право или звание, как социально признанная квалификация есть одно из наиболее типичных проявлений монополии легитимного символического насилия, которое принадлежит государству или его официальным представителям” [9, с. 203]. Символическое насилие проявляется в навязывании государством через своих доверенных лиц собственного видения социального мира. Государство выступает в виде держателя монополии на легитимное символическое насилие. Тип диплома, например, является универсально признанным и гарантированным видом символического капитала, действующим на любом рынке. Диплом освобождает своего обладателя от символической борьбы всех против всех, предписывая ему определенный статус. Легализация символического капитала придает статусу абсолютную и универсальную ценность.

В обществе всегда есть конфликт между символическими системами, стремящимися внедрить свое видение легитимных делений, т.е. конструировать группы. “Символическая власть в этом смысле есть власть *worldmaking* – это конструирование мира заключается в том, чтобы “делить и объединять, часто одним и тем же действием”, производить декомпозицию, анализ и композицию, синтез, что часто совершается одним наклеиванием ярлыка” [9, с. 204].

Бурдье считает, что символическая власть предполагает два условия. Во-первых, символическая власть долж-

на быть основана на обладании символическим капиталом. Власть внедрять в чужой ум старое или новое видение социального деления зависит от социального авторитета, завоеванного в предшествующей борьбе. “Символический капитал – это доверие, это власть, представленная тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание” [9, с. 206].

Во-вторых, символическая эффективность зависит от степени, в которой предполагаемый взгляд основан на реальности. Очевидно, что конструирование групп не может быть конструированием из ничего. Оно может быть тем более успешным, чем в большей степени базируется на реальности, т.е. на объективных связях между людьми, которых предстоит объединить. Символическая власть есть власть “творить вещи при помощи слов” [9, с. 237]. В этом смысле символическая власть есть власть утверждения или проявления, возможность утвердить или проявить то, что уже существует [10].

В результате анализа различных трактовок понятия “символ” в философских и социологических теориях можно сделать вывод о том, что символ рассматривается как сложный, многозначный и структурный феномен. И хотя данные теории имеют множество точек соприкосновения в рассмотрении данного понятия, нельзя не обратить внимание и на их различия.

В философских теориях символ предстает в виде знака, текста, смысла и структуры значений. Символ рассматривается как самоценность, он исследуется без учета специфики социального контекста его формирования, он предстает как нечто объективно существующее, бессубъектно сформированное. Символ уравнивается с сущностью человека, выступает в качестве главного результата его деятельности. Для философского анализа символ, история, человек, культура образуют неразрывное единство, в нем одно без другого не существует.

В социологических же теориях обнаруживается, что символ – это отнюдь не некая универсальная сущность, аккумулирующая человеческую историю. Он может выступать предметом острой политической борьбы и средством политического насилия. Социологические теории фиксируют новое рождение символа, связанного с появлением массовой культуры. Символ оказался великолепным средством управления массами. Благодаря символам и ритуалам массам и придается форма управляемого политического “тела”. Символ стал рассматриваться как способ влияния социальных акторов на массовое сознание, а также как особая ценность и капитал, которым стремятся обладать различные субъекты власти в ходе борьбы за легитимацию социальной картины мира.

Литература

1. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
2. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976. – 367 с.
3. *Кассирер Э.* Философия символических форм. – М.; СПб., 2002. – Т. 1: Язык.
4. *Гадамер Х.-Г.* Актуальность прекрасного / Михайлов А.В (пер. с нем.). – М., 1991.
5. *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995.
6. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996.
7. *Дюркгейм Э.* Социология: Ее предмет, метод, предназначение / Гофман А.Б. (пер. с фр.). – М., 1995.
8. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Зенкин С.Н. (пер. с франц. и вступ. ст.). – М., 2000.
9. *Бурдьё П.* Начала / Шматко Н.А. (пер. с франц.). – М., 1994.
10. *Бурдьё П.* Практический смысл / Бикбов А.Т., Вознесенская К.Д., Зенкин С.Н., Шматко Н.А. (пер. с франц.); Шматко Н.А. (отв. ред. пер. и послесл.). – СПб., 2001.